

А. В. ФЕДОРОВ

(ЛЕНИНГРАД)

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Интерес, который вопросы перевода издавна возбуждали и возбуждают сейчас у филологов различных специальностей, — не случаен.

Сама по себе практическая важность задач, разрешаемых переводом литературных произведений, научных трудов, документальных материалов и т. п., политическая, художественная, общекультурная, познавательная роль перевода, казалось бы, в достаточной мере мотивируют и объясняют этот интерес. Причины его, однако, не ограничиваются непосредственно только практической стороной вопроса.

Сопоставление в процессе перевода разных языков ставит ряд существенных теоретических вопросов из области грамматики, лексики, семантики, стилистики каждого из сопоставляемых языков в отдельности и в их отношении друг к другу. Постановка и рассмотрение этих вопросов представляются делом плодотворным как для теории перевода, так и для различных областей изучения соответствующих языков; ведь при сопоставлении двух разных языковых систем ярче освещаются своеобразие и закономерности каждой из этих систем. Что же касается изучения перевода, то оно и вообще не может сколько-нибудь успешно идти вперед, если не будет опираться на сравнение соответствующих языков в их специфике.

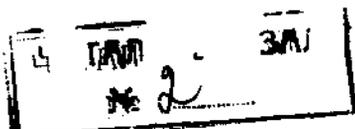
Перевод в практическом разрезе является языковой задачей, а в разрезе теоретическом — языковедческой проблемой.

В переводе мы имеем дело с передачей мыслей, первоначально высказанных на одном языке и сообщаемых читателю или слушателю, говорящему на другом языке. А так как оголенных мыслей, свободных от языкового материала, не существует и реальность мысли проявляется в языке¹, то и передача мыслей осуществляется только с помощью языковых средств.

Из этого положения может быть сделан конкретный вывод о необходимости такого способа выражения в переводе мысли подлинника, который доносил бы ее до читателя со всей отчетливостью и полнотой. Это вместе с тем означает необходимость соответствия перевода общепринятой норме языка, на который делается перевод. Таково первое условие понятности перевода, его доступности для читателя.

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 39, а также стр. 45—47.

138/3

Содержание переводимого подлинника непосредственно и неразрывно связывается с формами языка, на котором он создан.

Процесс перевода, как бы он ни был психологически сложен, не может вызывать «оголения» мысли, т. е. не допускает какого-то промежуточного ее состояния, когда она, якобы отделившись от языковой формы подлинника и еще не воплотившись в формы другого языка, существовала бы «сама по себе», как некая бесплотная сущность.

Конечно, в сознании переводчика не сразу возникают вполне отчетливые и связанные предложения или словосочетания его родного языка, в которых отражался бы подлинник. Процесс перевода может пройти целый ряд стадий, на последней из которых и будет достигнута полная четкость и связность оформления образов, вызываемых подлинником. Но, независимо от степени четкости, эти образы на любой из стадий имеют языковой характер: «Идеи не существуют оторванно от языка»².

Решающая в переводе роль языковых средств, как средств передачи неразрывного единства, образуемого в подлиннике содержанием высказывания и средствами выражения, специальных доказательств, нам думается, не требует. По отношению же к работе переводчиков из всего сказанного следует вывод о необходимости пристальнейшего внимания к языковой форме подлинника, в которой раскрывается его содержание, и о необходимости тщательных поисков соответствующих по смысловой и эмоциональной роли средств того языка, на который делается перевод — именно в целях полноценного отображения подлинника.

Круг языковой деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Но при всем своеобразии требований к переводу, вызываемых характером переводимого материала, общими для всех видов переводческого труда являются два положения: 1) цель перевода — как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего языка подлинника, с данным текстом (или содержанием устной речи); 2) перевести — это значит выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы. В полноте и точности передачи — отличие собственно перевода от переделки, пересказа, сокращенного изложения.

Система языковых средств, используемых в переводе, требует анализа и оценки, с одной стороны, в соотношении со смыслом и стилем подлинника, с другой стороны, в плане соответствия нормам того языка, на который сделан перевод, и его стилистическим возможностям.

*

Всякое произведение оригинального творчества, выраженное в слове — в области художественной, научной литературы, публицистики, газетного текста, — является плодом работы человека, свободно владеющего тем языком, на котором он пишет. У писателя это свободное владение средствами родного языка и его стилей, умение применяться к их нормам может принимать разные формы — в зависимости от эпохи, от литературных принципов, от характера дарования. Иногда писатель в известных (как правило — очень ограниченных) пределах сознательно отклоняется от того, что привычно или литературно узаконено в его родном языке, например, нарушает синтаксическое согласование, чтобы приблизить язык к непринужденности разговорной речи, что встречается у Льва Толстого, или показывает всякого рода неправильности в речи

² К. Маркс, Экономические рукописи 1857—1858 гг., Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99.

действующих лиц, что мы часто видим, например, в ранних рассказах Чехова, в английской литературе — у Диккенса в «Записках Пиквикского клуба», во французской литературе — у Мопассана в рассказах из крестьянского быта, у Барбюса — при передаче просторечия в разговорах солдат в романе «В огне» и т. д. Сюда относится использование диалектизмов, всякого рода специальных слов-профессионализмов, в известных случаях — архаизмов, т. е. элементов, отклоняющихся от современной словарной нормы. Но, прибегая к подобного рода отклонениям, автор всегда ориентируется на литературный язык своей эпохи, по контрасту с которым и на фоне которого эти отклонения только и могут восприниматься.

Всякого рода попытки перевести дословно тот или иной текст или отрезок текста приводят если не к полной непонятности этого текста, то во всяком случае к тяжеловесности, к неясности, словом, — к неудовлетворительности перевода.

Одной из черт такого неудовлетворительного перевода в области словаря иногда является обилие лексических заимствований из языка подлинника, терминов, для которых в языке, на который делается перевод, еще не найдены точные соответствия. Так, в переводах политических и научного материала на некоторые из языков народов СССР в настоящее время встречаются многочисленные лексические заимствования из русского языка, для которых (во всяком случае, для известной части их) могут быть найдены и национальные соответствия.

Часто неполноценность языка в переводе оказывается прямым следствием неудовлетворительного, неясного понимания подлинника, результатом незнания иностранного языка или незнания тех вещей, о которых в подлиннике идет речь. Так как непосредственная действительность мысли — это язык³, то сама собой разумеется теснейшая связь между пониманием действительности, нашедшей свое отражение в оригинале, знанием языка оригинала и характером активного применения того языка, на который делается перевод. Исключительно отчетливо прослеживается эта связь на примерах тех ошибок, которые Маркс в письмах к В. Бракке приводит из неудачного немецкого перевода книги Лиссагаре о Коммуне: непонимание того, о чем идет речь, ведет к непониманию слова или словосочетания даже в узком контексте, а отсюда — и непонятность соответствующего места в переводе (таков, например, случай, когда французское *Hôtel de Ville*, метонимически употребленное в значении правительства, заседавшего в здании ратуши, было понято переводчицей в прямом смысле, просто как обозначение здания)⁴. Об этой же связи говорят и примеры, приводимые Энгельсом в статье «Как не следует переводить Маркса»⁵.

Г. В. Плеханов в первой из двух рецензий на книги Г. Лансона по истории французской литературы формулирует общеобязательные требования к переводчику: «Вы хотите переводить? Это хорошее намерение, но помните, что вы должны знать, во-первых, тот язык, с которого переводите; во-вторых, — тот, на который делается ваш перевод; в-третьих, тот предмет, о котором идет речь в переводимом вами сочинении. Если не соблюдено хоть одно из этих условий, то вам лучше вовсе не браться за перо, потому что ваш перевод будет плох, и вы только введете читателей в заблуждение»⁶. Плохое качество рецензируемого перевода Пле-

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 434.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 462.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 230.

⁶ Г. В. Плеханов, Искусство и литература, Гослитиздат, М., 1948, стр. 835.

ханов объясняет тем, что «переводчик недостаточно владеет французским языком»⁷; об этом, как явствует из приводимых Плехановым примеров, можно судить и по характеру русского текста, представляющего случаи и бессмыслицы и явного смыслового противоречия.

Естественно, однако, что наряду с такими случаями встречаются ошибки, которые могут быть вскрыты только при сличении с подлинником, т. е. ошибки не самоочевидные, не изболчаемые качеством переводного текста, запятанные, так сказать, вглубь и маскируемые смысловой гладкостью и грамматической правильностью языка перевода.

Полноценность языка в переводе, степень соответствия его общенародным нормам играют столь существенную роль еще и потому, что понятие языка неразрывно связано с понятием стиля, который возникает как результат отбора определенных возможностей, существующих в общенародном языке или представляющих легкое отклонение от его нормы.

Язык всегда выступает в конкретных формах стиля, будь то один из речевых стилей общенародного языка с известной индивидуальной окраской, вносимой в него говорящим или пишущим, или индивидуально-художественный стиль, свойственный творческой манере отдельного писателя, или стиль целой литературной школы. А стиль всегда предполагает свободное и твердое, нескованное владение общенародным языком в пределах его живой действующей нормы.

Именно поэтому так ошутим в составе оригинальных литературных произведений всякий переход от общелитературного языка авторского повествования и речей персонажей к характерным формам письменноканцелярских стилей, содержащих зачастую архаические, тяжеловесные обороты, специфические профессиональные выражения, или, наоборот, к элементам просторечия или даже диалекта. В силу подобного перехода возникают стилистические контрасты.

Когда, например, Бальзак на последних страницах «Эжени Гранде» питирует брачный контракт де Бонфона и Эжени, он делает именно такое отступление от общенародной литературно-языковой основы своего стиля в сторону одного из узко-профессиональных речевых стилей — канцелярского. Передача такого отступления в языке перевода становится возможной только на фоне общелитературной речи всего остального текста.

Сравним подлинник и перевод Ю. Н. Верховского:

«...les deux futurs époux se donnaient l'un à l'autre, au cas où ils n'auraient pas d'enfants, l'universalité de leurs biens, meubles et immeubles, sans en rien excepter ni réserver, en toute propriété, se dispensant même de la formalité de l'inventaire, sans que l'omission du dit inventaire puisse être opposée à leurs héritiers ou ayant cause, entendant que la-dite donation soit...»

«...оба будущие супруга отдавали друг другу, в случае отсутствия детей, в полную собственность всю совокупность своего движимого и недвижимого имущества, ничего не исключая и не выделяя из него, освобождаясь даже от формальной описи, причем опущение вышеуказанной описи не может служить поводом для отвода их наследников или лиц причастных ввиду того, что упомянутая отдача в собственность...» и т. д.⁸

Отступление от общелитературной нормы заключается здесь прежде всего в особой синтаксической сложности, намного превышающей ту, какую в собственной авторской речи иногда позволяет себе и сам Бальзак, в широком использовании профессионализмов и юридических терминов, в педантическом повторении отдельных слов и т. д. В цитированном

⁷ Г. В. Плеханов, *Искусство и литература*, стр. 835—836.

⁸ Б а л ь з а к, *Избр. произв.*, Гослитиздат, 1949, стр. 411.

переводе это отступление имеет, может быть, не столь резкий характер, но окраска канцелярски-деловой речи с ее профессионализмами явно ощутима.

Передача подобных контрастов была бы в переводе невозможна вне общелитературного языка, который служит общим фоном и является предпосылкой точности перевода как в том случае, когда оригинал не заключает в себе никаких нарушений нормы, так и в том случае, когда они в нем есть и передача их возможна⁹.

Средства, использованные для выражения определенного содержания в подлиннике, и средства, служащие для передачи их в переводе, всегда непосредственно связаны с сущностью специфики соответствующего языка — его грамматическим строем и словарем.

Во всяком тексте эти две стороны языка органически связаны друг с другом.

Необходимо глубоко проникнуть в ту связь, которая существует между словами, с одной стороны, и грамматическими формами, благодаря которым они соединяются в предложения, — с другой. Ни отдельные слова, ни грамматические формы, как таковые, не могут быть и не бывают исключительным предметом внимания со стороны переводчика, не могут передаваться «сами по себе», т. е. без учета того стройного осмысленного целого, которое они образуют. Связь между теми и другими осуществляется в предложении, в целом ряде предложений, словом — в определенном контексте, где каждый словарный элемент и грамматическая форма получают свое значение. Поскольку в разных языках часто не совпадает объем значения отдельных слов и постоянно не совпадают грамматические формы, постольку выбор в переводе нужных слов и грамматических форм возможен, только исходя из того осмысленного целого, которое представляет собой подлинник. Иначе говоря, необходимо глубочайшее внимание и к смыслу слов и к грамматическим формам в их взаимосвязи.

Язык, на который делается перевод, может содержать такие специфические элементы, которым нет соответствия в языке подлинника и которые все же не могут не использоваться при переводе (например, категория вида в русском языке, отсутствующая в большинстве западноевропейских языков, или форма русского деепричастия, не имеющая прямых соответствий в немецком языке). Выбор соответствий специфическим элементам языка подлинника и применение специфических элементов того языка, на который делается перевод, определяются контекстом, всей взаимосвязью элементов. Так, например, смысловая функция определенного и неопределенного артикля романских и германских языков может быть хотя бы отчасти воспроизведена по-русски с помощью разного порядка слов: соответствием функции определенного артикля часто является постановка данного существительного в начале предложения, соответствием же функции неопределенного артикля — постановка существительного в середине или в конце; передача значений видовых форм русского глагола в тех языках, где грамматической категории вида не существует, возможна с помощью добавочных лексических средств, в частности, временных наречий и т. д.

Контекст перевода, как целое, компенсирует и выравнивает в той или иной степени (часто весьма значительной) формальное несоответствие в отдельных деталях. Требования же литературного языка, на который делается перевод, равно как и требования передачи смысла подлинника, не отделимы от стилистических требований, которые ставит текст ориги-

⁹ Ср. в том же переводе передачу отступления от нормы в пределах одного слова: — *C'est du café bouillu, — dit Nanon.* — Это *взваренный* кофе, — сказала Нанон.

вала. Выполнение первых является основной предпосылкой выполнения последних.

Понятие контекста, как целого, исходя из которого может быть определена правильность перевода отдельного элемента, — понятие, конечно, не абсолютное, а зависящее от конкретных условий. Поэтому мы и говорим иногда об узком, иногда о более широком контексте, вкладывая различное содержание в это понятие. Но понятие контекста всегда предполагает тесную связь с системой того стиля, к которому принадлежит переводимый подлинник и в котором он воссоздается на другом языке. Применение словарных и грамматических возможностей языка как в подлиннике, так и в переводе осуществляется в конкретных системах стиля.

*

Вопрос о речевых стилях общенародного языка в его отношении к вопросам перевода до сих пор почти не разработан, если не считать замечаний и соображений общего порядка. Мало разработан он и в разрезе лингвистическом. Единственная область, где он освещен сравнительно полно, — это история русского языка XVIII—XIX вв.¹⁰ В отношении к современности он ставился лишь эпизодически¹¹. Этот вопрос принадлежит к числу тех, которые еще очень мало затрагивались, особенно мало — применительно к языкам зарубежным¹².

То обстоятельство, что так мало исследованы речевые стили отдельных конкретных языков, конечно, не могло не отразиться на теории перевода, где вопрос о специфике перевода различных видов материала ставился до сих пор и редко и в чрезвычайно общей форме. Преимущественно при этом внимание обращалось на степень и характер точности, какая требуется в связи с характером материала, признаки которого, однако, не уточнялись.

Естественно, что каждая из разновидностей материала и ее подразделений ставит особые требования к переводу. То, что, например, может быть признано точным и правильным в переводе научного или делового текста, легко может оказаться неправильным при переводе литературы художественной, где подлинная точность часто достигается именно путем отступлений от дословной передачи.

В статье «О мере точности в переводе» Л. Н. Соболев пишет: «...мера точности меняется в зависимости от цели перевода, характера переводимого текста и читателя, которому перевод предназначается»¹³. С точки зрения требуемой «меры точности» Л. Соболев рассматривает переводимый материал по трем основным группам текстов — художественных, публицистических и деловых (к которым, по смыслу его статьи, могут быть

¹⁰ См. В. В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVIII—XIX вв.*, М., 1938.

¹¹ См., например, статью Ю. С. Сорокина «Просторечие как термин стилистики», «Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та», вып. 1, 1949.

¹² В качестве попытки поставить его и наметить вехи в его решении для английского языка следует назвать статью Н. Н. Амосовой «К проблеме языковых стилей в английском языке в связи с учением И. В. Сталина об общенародном характере языка», «Вестник Ленинградского гос. ун-та», 1951, № 5.

¹³ Сб. «Вопросы теории и методики учебного перевода», М., 1950, стр. 143. Этот же вопрос — о разных требованиях к переводу в зависимости от различий жанра — ставился раньше в учебнике М. М. Морозова «Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский» (Московский институт заочного обучения иностранным языкам, 12 выпусков, 1932—1935) и в моем учебнике «Теория и практика перевода немецкой научной и научно-технической литературы на русский язык» (то же изд-во, М., 2-е изд., 1937—1941, 11-й вып.).

отнесены и научные тексты); для каждой из этих групп автор определяет особые критерии точности перевода¹⁴.

Однако, правильно указав на различие требований к переводу, вызываемых разными условиями и разными задачами переводческой работы, Л. Соболев не пошел дальше установления факта различия и специфики переводческих задач и общей, суммарной классификации. Теперь, после опубликования работ И. В. Сталина по языкознанию, мы можем подойти к определению жанрово-стилистического своеобразия различных типов литературного, научного и т. п. материала с точки зрения тех основных специально языковедческих понятий, которыми обогатили науку эти гениальные труды.

Первоочередной задачей теории перевода в вопросе о типах материала должно явиться определение своеобразия каждого из них по признаку соотношения в них элементов основного словарного фонда с элементами различных категорий и пластов словарного состава языка и с точки зрения отбора и использования различных возможностей грамматического строя.

Различия в составе языковых средств двух разных языков, естественно, создают известные практические трудности при переводе, но, разумеется, далеко не означают невозможности найти функциональные соответствия. В то же время, наряду с задачей практического преодоления этих трудностей перевода, встает теоретическая задача обобщения особенностей переводческой работы в области разных жанров. Эта теоретическая задача — не абстрактна, и выполнение ее может принести ту практическую пользу, что наполнит конкретным языковым содержанием понятие степени точности перевода, предполагаемой тем или иным видом материала.

В работах о переводе, если дело не ограничивалось в них вопросом о литературе художественной, материал разбивался обычно на три группы: 1) тексты газетно-информационные, документальные и специально научные, 2) произведения публицистические, 3) произведения художественной литературы¹⁵. При этом обычно указывалось, что существуют и переходные или смешанные типы материала, например, в художественной литературе — произведения на производственные темы, с обилием терминов, фактических сведений и т. п.; в научной литературе — произведения популярного характера с использованием выразительных средств художественной образности.

Критерий такой классификации — явно стилистический: это учет роли, выполняемой той или иной категорией языковых средств (терминов, фразеологии, характерной для данного жанра, преобладающих в нем синтаксических конструкций, образных и эмоционально окрашенных элементов словаря и грамматики и т. д.) в связи с общим характером содержания. Но конкретность эта классификация может приобрести только в свете изучения соотношения — в пределах каждого жанра — грамматических черт с категориями основного словарного фонда и словарного состава языка.

Элементы основного словарного фонда во всех типах литературного, книжно-письменного, устно-речевого материала образуют ту основу, благодаря которой вообще возможно понимание. Они составляют тот фон, на котором выделяются, с которым в определенное отношение вступают различные элементы словарного состава языка.

Для текстов газетно-информационных, документальных и специально научных, насыщенных фактическим материалом, характерно наличие

¹⁴ См. «Вопросы теории и методики учебного перевода», М., 1950, стр. 152, 154.

¹⁵ Это же деление, только в обратной последовательности — в связи с критерием точности — принимает и Л. Соболев в упомянутой статье.

терминов, выделяющихся на фоне слов основного словарного фонда, и наличие некоторых фразеологических комплексов, обычных в данном жанре. Чем специальнее текст по своему содержанию, тем выше частотность терминов — по крайней мере, как правило, как основная тенденция. В текстах научно-популярных, по самому характеру разрешаемой в них задачи, эта частотность, естественно, гораздо ниже. Для всей этой категории материала характерно отсутствие слов с яркой стилистической окраской (архаизмов, просторечных слов, слов поэтической речи и т. п.). Для литературы по общественным наукам и по философии показательное частичное использование образной идиоматики языка, что почти не наблюдается в области точных наук, в официальном документе и в газетно-информационном тексте. Для всего этого разряда материала характерно использование слов в их прямых значениях или — в случаях редких — языковых тропов, не играющих специальной стилистической роли.

Следующую разновидность материала с точки зрения особенностей речевого стиля должно выделить из состава литературы по общественным наукам (историческим, экономическим, философским), из литературной критики, газетно-журнальной публицистики, а также из области ораторской речи: это те произведения, в которых отчетливо выражена пропагандистская или агитационная установка, которые затрагивают жизненно важные интересы и сочетают в себе черты научной речи (терминология) с чертами стиля художественной литературы (образные элементы, эмоциональная окраска речи). К этой категории в первую очередь относятся труды классиков марксизма-ленинизма, занимающие и в ней совершенно исключительное место по органичности сочетания художественного и научного стиля, работы их учеников и последователей, произведения классиков русской революционно-демократической критики. Для этого разряда произведений типично сравнительно умеренное применение терминов, часто приближающихся к общеупотребительным словам, и широкое применение слов с разнообразной стилистической окраской (не только элементов образной идиоматики, но и просторечия, архаизмов в ироническом употреблении и т. п.). Стилистически действенные тропы разных типов встречаются здесь сравнительно редко, но играют важную роль, выделяясь на фоне слов, употребленных в прямом смысле.

Литература художественная, являющаяся прежде всего искусством с исключительно широким диапазоном средств и преломляющая в себе различные как книжно-письменные, так и устно-речевые стили, представляет необыкновенное разнообразие лексических элементов. Отличием ее словаря от словаря литературы научной является отсутствие терминов или редкость их, причем в тех случаях, когда они и встречаются (например, в произведениях с производственной, военной и т. п. тематикой), они играют подчиненную роль. Другая черта отличия — широкое применение диалектизмов, профессионализмов, архаизмов, слов иностранного происхождения, элементов просторечия и т. д. Столь же широк в художественной литературе диапазон использования разных возможностей словоупотребления — прямых и переносных значений слов, тропов языковых и стилистически действенных. Разумеется, все эти черты не являются непременной принадлежностью всякого произведения или творчества любого автора.

С точки зрения грамматических (преимущественно — синтаксических) особенностей рассмотренные три группы материала не поддаются столь четкой градации, но все же и здесь можно наметить некоторые закономерности.

Для первой группы характерна ориентация на книжно-письменную речь, с преобладанием сложных предложений самого различного объема,

без всяких элементов, указывающих на связь со стилем устной речи, кроме разве таких, принятых и в научном изложении, оборотов, как «теперь посмотрим», «вот, например...», «или еще один пример» и т. п.; они, конечно, связаны с устно-монологической речью лектора или докладчика, но являются столь же употребительными и в книжно-письменной форме речи и не имеют специальной стилистической окраски, которая контрастировала бы с их общим окружением. Для синтаксиса всего этого разряда материала показательна двусоставность предложений, и лишь в некоторых более специальных разновидностях текстов закономерным оказывается применение предложений односоставных или «неполных»: например, в статьях энциклопедических словарей, в технических справочниках и инструкциях, каталогах, описаниях поставок нередко отсутствует то сказуемое, то подлежащее, опускаемое ради краткости, если оно подразумевается по контексту, совпадая, например, с заглавным существительным статьи в энциклопедии или в справочнике или с подлежащим предыдущего предложения. В подобных синтаксических особенностях не следует видеть специального средства, которым выражалось бы индивидуальное отношение автора к содержанию высказывания и подчеркивались бы определенные моменты в нем; в них можно усмотреть характерный стилистический признак этих узких разновидностей научного и научно-технического материала, связанный, во-первых, с принципом краткости и сжатости в подаче сведений и, во-вторых, с отсутствием какой бы то ни было индивидуальной окраски (и то и другое составляет здесь отличительную черту).

В специально научном, научно-техническом, документальном и газетно-информационном материале встречаются словесные повторения, формально тождественные с теми, какие постоянны в литературе художественной и общественно-политической, в публицистике и ораторской речи, — в начале соответствующих отрезков текста — предложений, абзацев, в конце их; встречается параллелизм в построении предложений, абзацев и т. п. Но здесь эти синтаксические средства выступают лишь в роли средства логического членения речи.

Во второй группе материала, т. е. в произведениях общественно-политической литературы, критики, в публицистике, в ораторской речи, где, наряду с сообщением определенного содержания, преследуются цели агитационно-пропагандистского воздействия на читателя или слушателя, средства синтаксиса играют гораздо более активную роль. Правда, предложения и здесь отражают нормы книжно-письменной речи, исключая разговорные эллипсы, случаи несогласования между отдельными членами и т. п., но в них временами, по ходу изложения, могут проступать черты, типичные для устно-речевого стиля: обращения, эмоционально окрашенные восклицательные или вопросительно-риторические конструкции. Именно в этих особенностях сказывается индивидуальное отношение автора к выражаемому содержанию. Синтаксический параллелизм, повторения слов и словосочетаний здесь не являются случайными и служат одновременно целям как логического членения речи, так и эмоционального подчеркивания и усиления.

В художественной литературе разнообразие речевых стилей, связанное с многообразием изображаемой действительности и различных индивидуальных оттенков отношения к ней, проявляется в исключительном богатстве и широте синтаксических средств. Последние сочетают в себе здесь как черты книжно-письменной, так и устно-разговорной речи, которая, разумеется, принимает разные формы в составе литературного произведения в зависимости от эпохи, страны, идейно-художественного направления и индивидуальной манеры писателя, но во всяком случае

всегда играет в нем очень большую роль. Переходы от сложных построений к простым и коротким фразам, чередование тех и других, сочетание «полных» предложений со всякого рода эллипсами, анаколуфами, оборванными предложениями приобретают здесь значение средства, выражающего очень сложные оттенки отношения автора или действующих лиц к изображаемой действительности и представлены с исключительным разнообразием. Все это действительно служит задаче построения художественного образа и целям речевой характеристики героев, опирающейся на художественное использование и разнообразное сочетание разностилевых средств.

Разумеется, не всегда все обилие синтаксических возможностей проявляется в составе одного произведения. Но дело, конечно, не в отдельных индивидуальных случаях, а в закономерной для художественной литературы общей широте использования языковых средств и богатстве ее путей в целом.

Нами рассмотрены в общих чертах лишь основные виды материала, который может явиться объектом переводческой работы. Мы не пользовались понятиями нейтрального (или более нейтрального) стиля и стиля выразительного, хотя противопоставление текстов газетно-информационных, специально научных и документальных, с одной стороны, и литературы общественно-политической и художественной, — с другой, казалось бы, и было возможно на основе этих понятий. Но дело в том, что понятие какого-то «нейтрального» стиля, т. е. стиля сухого, лишённого образности, эмоциональности, — понятие очень относительное, ибо самое отсутствие этих свойств составляет отчетливый, хотя и негативный стилистический признак.

Исходя из этого, можно сказать, что задача перевода остается стилистической задачей при любом материале: она состоит в таком отборе лексики и грамматических средств (форм, конструкций), который определяется, с одной стороны, общей целенаправленностью подлинника и, с другой, соблюдением тех норм, какие существуют в языке для данного жанра.

Как уже отмечалось, стиль отдельных жанров проявляется в чертах, специфических для него именно в системе данного языка и требующих при переводе функциональных, а не формальных соответствий. Задача перевода может быть проще или сложнее в зависимости от характера подлинника; но говорить о том, что в одних случаях (например, в переводе текстов научных, информационных и т. д.) она сводится к передаче содержания, а в других — к передаче также и формы, было бы грубейшей ошибкой. Во всех случаях передается единство содержания и формы, и разница обусловлена характером соотношения между тем и другим и степенью разнообразия элементов формы и сложности образуемого ими сочетания. Различиями в этом соотношении определяется и разница требований к характеру точности перевода в разных жанрах, в разных типах материала. Дело идет, конечно, вовсе не о том, что для определенных текстов предполагается, или требуется, или допускается большая или меньшая точность, а в том, что различно само качество этой точности. Так, для текста научного — и в подлиннике и в переводе — характерны роль термина и соответствие нормам терминологии в данном языке; построение же фразы, служа целям ясной и исчерпывающей передачи мысли, других целей здесь не преследует; поэтому в переводе возможна разбивка предложения на части, перегруппировка частей, соединение нескольких предложений в одно целое и т. п.

Для произведения литературы художественной — и в подлиннике и в переводе — характерна роль образа в широком смысле слова, величайшее разнообразие служащих для построения образа языковых средств,

единство предложения, как целого, соответствующего определенному образному целому, последовательность членов предложения, параллелизм или контраст между несколькими или многими предложениями — все это в литературе художественной приобретает особую действенность.

Между задачами перевода литературы общественно-политической и художественной есть много точек соприкосновения именно в связи с той ролью, которую и здесь и там играет художественный образ, непосредственно основанный на использовании языковых категорий. Художественная литература как искусство ставит особые творческие задачи переводчику, но и литература общественно-политическая часто заставляет решать такие же переводческие задачи, наряду с точным воспроизведением терминологии требуя также воссоздания неповторимого индивидуально-стилистического своеобразия.

Примером блестящего решения такой задачи, роднящей перевод общественно-политического текста с переводом художественным, может служить сделанный под редакцией В. И. Ленина перевод «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Исключительное богатство русского языка в отношении словарно-семантических оттенков и его стилистическая гибкость обуславливают здесь возможность большой точности как терминологической, так и общесемантической — при условии синтаксических перегруппировок и изменения грамматических категорий в некоторых местах. Для иллюстрации приведем один отрывок — с преобладанием социально-политических терминов и формулировок (не лишенных, однако, и метафоричности) и другой — резко публицистический, полемический, обличительный.

Первый пример взят из III главы «Воззвания Генерального Совета Международного Общества рабочих по поводу гражданской войны во Франции 1871 года».

Die zentralisierte Staatsmacht, mit ihren allgegenwärtigen Organen — stehende Armee, Polizei, Bürokratie, Geistlichkeit, Richterstand, Organe geschaffen nach dem Plan einer systematischen- und hierarchischen Teilung der Arbeit, stammt her aus den Zeiten der absoluten Monarchie, wo sie der entstehenden Bourgeoisgesellschaft als eine mächtige Waffe in ihren Kämpfen gegen den Feudalismus diente. Dennoch blieb ihre Entwicklung gehemmt durch allerhand mittelalterlichen Schutt grundherrlicher und Adelsvorrechte, Lokalprivilegien, städtische und Zunftmonopole und Provinzialverfassungen: Der riesige Besen der französischen Revolution des 18. Jahrhunderts legte alle diese Trümmer vergangener Zeiten weg, und reinigte so gleichzeitig den gesellschaftlichen Boden von den letzten Hindernissen, die dem Überbau des modernen Staatsgebäudes im Wege standen.¹⁶

Центральная государственная власть со своими всеядущими органами, основанными на принципе систематического и иерархического разделения труда: регулярной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судьями, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в борьбе его с феодализмом. Но помещные и дворянские привилегии, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполнив свое помело французской революции 18-го столетия смело весь отживший сор давно минувших веков и очистило, таким образом, общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства.¹⁷

Во всем отрывке перевода бросается в глаза чрезвычайная точность

¹⁶ К. М а р к с, Der Bürgerkrieg in Frankreich, Verlagsgenossenschaft Ausländischer Arbeiter in der UdSSR, Moskau, 1937, SS. 46—47.

¹⁷ К. М а р к с, Гражданская война во Франции, пер. с нем. под ред. Н. Ленина, 2-е изд., Одесса, 1905, стр. 44.

в передаче терминов, в выборе русского синонима для воспроизведения термина многозначного (как «Verfassungen» в сочетании «Provinzialverfassungen», где обычный перевод словом «конституция» неприемлем), в воспроизведении тропов («der riesige Besen der französischen Revolution» — «исполинское помело французской революции») и в соблюдении стилистической окраски отдельных элементов, причем последняя даже слегка усилена («allerhand mittelalterlichen Schutt» — «весь этот средневековый хлам»; «Diese Trümmer» — «весь... сор»). Существительное «Überbau» в конце последнего предложения не имеет по контексту терминологического значения известной обществоведческой категории («надстройка») и является одним из элементов сравнения государства со зданием. Отсюда — принятый Лениным перевод: «сооружение».

Последний пример показывает, что в переводах трудов классиков марксизма-ленинизма и при анализе их необходимо дифференцированно подходить к одному и тому же слову в разных условиях контекста, где оно может иметь то терминологическое, то образно-переносное значение.

Теперь — несколько предложений из другого отрывка «Гражданской войны во Франции», представляющего уничтожающую характеристику Тьера (I гл. «Воззвания Генерального Совета Международного Общества рабочих...»):

«Thiers», diese Zwergmißgeburt, hat die französische Bourgeoisie mehr als ein halbes Jahrhundert lang bezaubert, weil er der vollendetste geistige Ausdruck ihrer eigenen Klassenverderbtheit ist. Ehe er Staatsmann wurde, hatte er schon seine Stärke im Lügen als Geschichtsschreiber dargetan. Die Chronik seines öffentlichen Lebens ist die Geschichte der Unglücke Frankreichs. Verbündet, vor 1830, mit den Republikanern, erhaschte er unter Louis Philippe eine Ministerstelle, indem er seinen Protektor Laffitte verriet. Beim König schmeichelte er sich ein durch Anhetzung von Pöbelzessen gegen die Geistlichkeit, während deren die Kirche Saint-Germain l'Auxerrois und der erzbischöfliche Palast geplündert wurden, und durch sein Benehmen gegen die Herzogin von Berry, bei der er zu gleicher Zeit den Ministerspion und den Gefängnisgeburts-helfer spielte...

...Trotz seiner heuchlerischen Predigten von «notwendigen Freiheiten» und seines persönlichen Ärgers gegen Louis Bonaparte, der ihn gebraucht und den Parlamentarismus hinausgeworfen hatte, — und außerhalb der künstlichen Atmosphäre des Parlamentarismus schrumpft das Männlein, wie es wohl weiß, zu einem Nichts zusammen — trotz alledem hatte Thiers seine Hand in allen Infamien des zweiten Kaiserreichs, von der Besetzung Roms durch französische Truppen bis zum Kriege gegen Preußen, zu dem er aufhetzte durch seine heftigen Ausfälle gegen die deutsche Einheit — nicht als Deckmantel für den preußischen Despotismus, sondern als Eingriff in das ererbte Anrecht Frankreichs auf die deutsche Uneinigkeit. Während

«Тьер, этот карлик-чудовище, в течение более чем полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял из себя самое совершенное идейное выражение ее классово-испорченности. Когда он был еще не государственным человеком, а простым историком, он доказал уже свое искусство лжи. История его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Будучи до 1830 г. другом республиканцев, он получал при Луи Филиппе министерский портфель в награду за измену своему покровителю, Ляфитту. К королю он подольстил подстрекательством черня против духовенства, — подстрекательством, которое привело к разграблению церкви С.-Жермен Локсерруа и дворца архиепископа, — и отношениями своими к герцогине Беррийской, которой он служил министром-шпионом и тюремщиком-акушером...

...Тьер забыл свои лицемерные речи о «необходимых свободах», свою личную ненависть к Луи Бонапарту, который надругался над ним в выкинул за борт парламентаризм, — (вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человек превращается в ничто, и он это хорошо знает) — забыв все это, Тьер принимал участие во всех позорных делах Второй Империи — от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он содействовал этой войне, разжигая страсти своими неистовыми нападениями на единство Германии, в котором он видел не маску для прусского деспотизма, а покушение на наследственное право Франции на разьединенность Германии. На словах этот урод всегда

seine Zwergsarme gern im Angesicht Europas das Schwert des ersten Napoleon umherschwangen, dessen historischer Schubputzer er geworden war, gipfelte seine auswärtige Politik stets in der äußersten Erniedrigung Frankreichs, von der Londoner Konvention von 1841 bis zur Pariser Kapitulation von 1871 und zum jetzigen Bürgerkrieg, worin er, mit hoher obrigkeitlicher Erlaubnis Bismarcks, die Gefangenen von Sedan und Metz gegen Paris hetzte»¹⁸.

выступал во имя традиций Наполеона I. Наполеоновским мечом махал он перед всей Европой. В своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона. На деле, его внешняя политика всегда, начиная от лондонской конвенции 1841 г. до капитуляции Парижа 1871 г., приводила к полнейшему унижению Франции и, наконец, довела до гражданской войны, во время которой он с высочайшего соизволения Бисмарка натравил на Париж пленных Седана и Меца»¹⁹.

Приведенные отрывки дают возможность судить о методе редактуры Ленина при передаче ярко публицистического текста. Перевод и здесь весьма точен, но в отношении отдельных стилистических деталей допущены небольшие отступления: здесь, с одной стороны, и некоторые усиления образности (например, «карлик-чудовище» для «Zwergmißgeburt» — вместо более буквальной передачи «карлик-урод» или «карлик-выродок», что было бы, в сущности, плеоназмом) и замена значения (например, «надругался» для «hat ihn gebraucht» — вместо словарно точного «использовал его») и, с другой стороны, известное ослабление, приглушение стилистических оттенков (например, «получил» для «erhascht» вместо «поймал», «схватил»).

Эти незначительные изменения обусловлены фразеологическими или просто смысловыми требованиями контекста, где более буквальный перевод был бы или мало понятен (например, «использовал» для «hat gebraucht»), или являлся бы плеоназмом («карлик-выродок»), или, наконец, противоречил бы русской норме словоупотребления в политическом тексте (ср. невозможность такого сочетания, как «схватил министерский портфель»).

Такие же причины заставляют идти в переводе и на более существенные, но тоже оправданные жертвы, как, например, отказ от воспроизведения яркого смыслового контраста в следующем предложении: «...gipfelte seine auswärtige Politik stets in der äußersten Erniedrigung Frankreichs». Вариант более близкий в словарном и образном отношении (например, «его внешняя политика всегда увенчивалась полнейшим унижением Франции» или «вершиной его внешней политики всегда оказывалось полнейшее унижение Франции») в какой-то степени был бы менее естественен, чем принятый в тексте перевод, отклонялся бы от фразеологической нормы русского политического текста.

Фразеологические требования контекста сочетаются с требованиями, исходящими от более широкого единства — целой цепи предложений с их смысловым, образным и эмоциональным содержанием. Это единство обуславливает возможность замены отдельных слов (например, «Тьер забыл свои... речи» вместо «Несмотря на свои... речи... Тьер» при немецком «Trotz seiner ...Predigten»). Естественно, что при этом заменяются и грамматические категории, синтаксические формы. Первое предложение второго отрывка, начинающееся словами «Trotz seiner heuchlerischen Predigten...», — довольно сложный, однако нормальный для немецкого языка перифраз. В переводе он расчленен на два предложения, и это помогает не только легче воспринять его содержание, но и избежать несомненной громоздкости, которая получилась бы при воспроизведении его как единства.

¹⁸ К. М а р х, Der Bürgerkrieg in Frankreich, Moskau, 1937, SS. 32—33, 34—35.

¹⁹ К. М а р к с, Гражданская война во Франции, пер. с нем. под ред. Н. Ленина, 2-е изд., Одесса, 1905, стр. 30—31, 32—33.

Кстати сказать, такая разбивка тем более оправдана, что в самом немецком предложении здесь нет тенденции к усилению связи между отдельными членами, к сжатию их с помощью «рамочной конструкции». Таким образом, разбивка как бы продолжает линию, наметившуюся уже в подлиннике.

Следующее сложноподчиненное предложение подлинника, завершающее приведенный отрывок, в переводе разбито на четыре предложения, из которых последнее по содержанию соответствует главному предложению оригинала, а первые три служат переводом начальных придаточных. Расчленение синтаксического единства обусловлено фразеологическими причинами: образ Тьера — карлика, размахивающего мечом Наполеона перед всей Европой и чистящего его сапоги в своих исторических трудах, дан по-немецки в очень компактной формуле, вполне понятной немецкому читателю, но в переводе, видимо, требующей некоторой расшифровки, комментария. Перевод и дает эту расшифровку. Вместе с тем русские предложения, соответствующие первым двум придаточным в оригинале, оказываются и грамматически перестроенными и содержат, естественно, лексические замены. Второе предложение построено аналогично первому, но не вполне параллельно, так как содержит инверсию, которой, может быть, и подчеркивается его образный характер. Грамматическая перестройка этого предложения сравнительно с подлинником совершенно закономерна по стилистическим условиям русского языка. Третье предложение дает также замену грамматических категорий и вводит несколько слов, которых в немецком тексте нет — добавление, вызванное необходимостью в более пространной расшифровке образа. Затем в одном пространном предложении дается перевод главного предложения оригинала. Всей этой разбивкой, изменениями в грамматических категориях и словесными заменами достигается соответствие подлиннику по функции, т. е. делается легко доступным читателю содержание образов подлинника, сохраненных, но распространенных и расшифрованных в переводе: выбрана нормальная в условиях русского языка стилистическая форма и соблюдено — в последовательности самостоятельных предложений — нарастание тех отталкивающих моментов, из которых складывается характеристика Тьера.

Все это — пример того, как разрешается задача перевода публицистического материала, в данном случае — одного из классических памятников марксистской литературы.

*

Перевод художественной литературы (наряду с некоторыми случаями в области перевода литературы общественно-политической) является, несомненно, самым сложным видом перевода. Он требует от переводчика особых творческих данных, а перед исследователем-теоретиком ставит новые сложные проблемы. Первое место среди этих проблем занимает проблема полноценного перевода.

Понятие полноценности перевода и принцип переводимости непосредственно друг с другом связаны; возможность осуществления полноценного перевода и есть не что иное как переводимость, и вопрос об этих двух понятиях всего уместнее ставить в связи с художественным переводом, потому что именно на его материале, как наиболее трудном, они только и могут быть проверены.

Перевод в большей, может быть, степени, чем какой-либо другой вид литературного творчества, напоминает о соотносительности отдельного и целого, о глубокой взаимосвязи и взаимообусловленности всех элементов произведения слова. И поэтому понятие полноценного перевода при-

менимо, только по отношению к целому, к тому обширному единству, какое представляет собой произведение слова.

В целом ряде работ по теории перевода в свое время усиленно подчеркивалась относительность понятия точности перевода. Понятие это было взято под сомнение, во всяком случае, как бы заключено в кавычки. Слово «точность» в применении к художественному переводу стало все реже употребляться в нашей теоретической литературе. В этом нашел выражение верный в своей основе принцип — отказ от попыток установления каких-либо формальных соответствий между разноязычными текстами. Вместо слова «точность» выдвинулся термин «адекватность», означающий «соответствие», «соответственность», «соразмерность»²⁰. Термин этот не является абсолютно новым и безусловно неудачен; он легко заменяется термином «полноценность перевода».

Методологическая важность проблемы полноценного перевода заключается в том, что, ставя ее, мы неизбежно затрагиваем вопрос о возможности полно и точно выразить вообще то или иное содержание. Вопрос о соотношении между смысловыми возможностями одного языка и определенным содержанием, выраженным на другом языке, становится частным случаем более общего вопроса о соотношении между средствами выражения и выражаемым. Тем самым положительное или отрицательное решение вопроса о возможности перевода оказывается всегда связанным с определенными философскими и эстетическими предпосылками. Что же касается утверждения о непереводаемости, то в свете этого вопроса становится еще более несомненными его идеалистические и агностические корни. Вот почему большой интерес представляет вопрос о самом определении полноценности («адекватности») перевода.

Определение термина «адекватность» в значении полноценности перевода было дано А. А. Смирновым:

«Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (подстановок) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать...»²¹.

Это определение содержит обстоятельный перечень признаков адекватности, охватывая и такой субъективно-психологический фактор, как «намерения автора» и результат намерений — т. е. «идейно-эмоциональное воздействие на читателя», и литературные средства, служащие для такого воздействия. Вполне справедливо оговаривается подчиненное значение этих средств по отношению к основной задаче — «общему эффекту», т. е. правильно ограничивается роль частного элемента в системе целого. И все же формулировка А. А. Смирнова оставляет чувство неудовлетворенности — не только в силу неопределенности указания на «намерения» автора (в том числе «бессознательные»), но главным образом вследствие противоречия в вопросе о переводаемости. Последняя фраза цитаты имеет компромиссный характер и приходит в столкновение с большой категоричностью предыдущих указаний на передачу всех намерений автора,

²⁰ Ср. в статье Ф. Д. Батюшкова «Задачи художественного перевода»: «Принцип настоящего художественного перевода — один: стремление к адекватности» («Принципы художественного перевода», 2-е изд., Гос. изд-во, П., 1920, стр. 12).

²¹ Статья «Перевод», «Литературная энциклопедия», т. VIII, М., 1934, стр. 527.

на соблюдение «по мере возможности всех применяемых ресурсов». Недостаточность определения проявляется в том, что отклонение от оригинала, необходимость «кое-чем жертвовать» упоминается в порядке оговорки, как исключение из правила, хотя до этого применялись такие принципиально важные термины, как «эквивалент» и «субститут», говорящие о широком понимании адекватности²².

Упоминание о «жертвах» в форме такой оговорки тем менее удачно, что они в действительности не только не противоречат принципу полноценности, а прямо предполагаются им. Перевод — не механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный отбор различных возможностей передачи их средствами другого языка. Таким образом, исходной точкой должно быть целое, представляемое оригиналом, а не отдельные его элементы. Могут встретиться такие случаи, когда переводчик, стремясь воспроизвести все элементы подлинника, утратит главнейшее, от сложения элементов не получит целого, и для передачи его именно и потребуются сознательные «жертвы». Другими словами, переводческое мастерство предполагает умение не только сохранять, но и жертвовать чем-либо — именно ради более близкого соответствия подлиннику. Самая же необходимость жертвовать тем или иным отдельным элементом, как таковым, может вызываться языковыми условиями, — например, отсутствием соответствующего слова или фразеологического оборота, расхождением в смысловых отношениях слова и т. п. Но отказ от отдельного элемента не означает невозможности передать целое средствами сочетания других элементов.

Других определений понятия «адекватности перевода», кроме принадлежащего А. А. Смирнову, не было предложено²³. В моей книге «О художественном переводе»²⁴ я ограничился перечислением условий, которыми определяется понятие соответствия между переводом и оригиналом. Это: 1) соотношение между тем или иным элементом, с одной стороны, и всем произведением — с другой; 2) соотношение между данным произведением и его социальным и литературным фоном с языком и эстетикой эпохи и т. д.; 3) возможные параллели этому общему фону в литературе того языка, на который делается перевод.

В связи с установлением этих условий и с общим пониманием возможности перевода, вытекающим из относительности понятия точности, может быть выдвинуто следующее определение полноценности перевода.

Полноценным является тот перевод, в котором средствами общепонятного языка и в соответствии с его нормой воспроизводится единство содержания и всей системы стилистических особенностей, представляемое оригиналом (при непременно условии передачи его основного смыслового стержня — будь то сюжет целого произведения, или мотив отдельного эпизода, или идея стихотворения), и в котором каждый более или менее значительный отрезок текста сохраняет отношение частного элемента оригинала к его целому.

Это определение, во-первых, подчеркивает важность общего, его господствующую роль по отношению к отдельным составным частям и необходимость подхода к литературному произведению именно как к системе,

²² Определение А. А. Смирнова без оговорок принимается А. М. Финкелем в статье «О некоторых вопросах теории перевода» («Научные записки Харьковского гос. пед. ин-та иностранных языков», т. I, 1939, стр. 77).

²³ Если не считать слишком общих, упрощенных определений адекватности, предлагаемых в отдельных статьях сборника «Вопросы теории и методики учебного перевода» (М., 1950), например, на стр. 227: «перевод, при котором переводящий старается передать не только содержание, но и форму».

²⁴ А. В. Федоров, О художественном переводе, Л., 1941, стр. 14.

а не как к простой сумме элементов, причем отношения между теми или иными его особенностями важны в стилистической плоскости, т. е. с точки зрения той роли, какую они выполняют в составе самого оригинала и на фоне общепародного языка того или иного стиля. Полноценность перевода предполагает и полноценность языка.

Во-вторых, здесь подчеркивается, что без передачи конкретного смыслового содержания переводимого текста невозможен перевод в собственном значении этого понятия, а возможна лишь вариация на основе особенностей оригинала, т. е. создание некоей общей аналогии.

Наконец, в-третьих, здесь учитывается факт тесной связи между общим и частным, подчеркивается место отдельного элемента по отношению к целому, которое в конечном итоге возникает из сочетания (но не из простой суммы) элементов. Полноценный перевод предполагает определенное равновесие между целым и отдельным, в частности, между передачей общего характера произведения, с одной стороны, и степенью близости к оригиналу в передаче отдельного его отрезка. Это значит, что полноценность может и не требовать одинаковой степени словесной близости к оригиналу на всем протяжении перевода.

В определении полноценности перевода указание на характер соотношения между отдельным и целым является едва ли не основным и важнейшим моментом. Это соотношение затрагивает все произведение, оно проявляется и в общем, и в частностях, и в основном содержании, и в мельчайших формальных особенностях, которые сами по себе могут и не иметь значения и приобретают его только в общей перспективе.

Отношение целого и отдельного так важно потому, что им определяется специфика произведения в единстве содержания и формы. Детально точная передача отдельных элементов, взятых порознь, не означает еще полноценной передачи целого, поскольку оно не является простой суммой их, а представляет систему функциональных отношений между ними. С другой стороны, воссоздание общего содержания и облика произведения, игнорирующее характерные частности, может привести к утрате его индивидуальной окраски и к тому, что по вызываемому впечатлению оно будет совпадать с каким-либо другим, может быть близким, но все же не тождественным литературным памятником. И только отношение между произведением, взятым в целом, и отдельным моментом в нем или частной его особенностью характеризует его индивидуальное своеобразие как с идейно-смысловой, так и с формальной точки зрения.

Изложенное выше понимание полноценности перевода, при всей обобщенности формулировок, не должно вызвать упрека в том, будто оно претендует на универсальное значение, как применимое к любым историческим условиям. Оно прежде всего не нормативно: оно говорит не о том, каким должен быть перевод любого произведения любой страны и эпохи, а о том, что следует считать полноценностью перевода — разумеется, исходя из такого максимума возможностей, какой дает современное состояние перевода, представляющее в советской литературе ступень более высокую, чем предыдущие фазы его развития, и отвечающее чрезвычайно высокому уровню современных требований.

*

Возможность полноценного перевода имеет предпосылкой полноценное же, т. е. объективное понимание подлинника и полноценность языковых средств, используемых при переводе, — понятие, уже рассмотренное выше. Требуется уточнения вопрос о соотношении, в котором нахо-

дятся понимание подлинника и использование языковых средств при переводе.

История перевода знает целый ряд случаев, когда подлинник переосмыслился переводчиком или даже подвергался преднамеренным искажениям, фальсифицировался. Практически это переосмысление подлинника или его искажение всегда находило определенное языковое выражение, т. е. в конечном итоге вызывало отбор тех, а не иных языковых средств. Можно ли в этом видеть один из примеров того безразличного отношения к языку со стороны людей, отдельных социальных групп, классов, о котором говорит И. В. Сталин?

Ведь учение И. В. Сталина о безразличном отношении к языку со стороны людей, отдельных социальных групп, классов касается не только тех несомненных случаев, когда языку общенародному навязываются черты всякого рода классовых жаргонов; оно может быть распространено на все те случаи, когда производится отбор средств из состава общенародного языка. При переводе, однако, вопрос об отборе осложняется тем, что здесь сказывается безразличное — как объективное, так и субъективно пристрастное — отношение переводчика к содержанию подлинника, когда, невольно переосмысляя или сознательно искажая, переводчик в самый подлинник вкладывает не то содержание, какое он объективно имеет, видит в словах подлинника не те значения, какие им объективно присущи по контексту, устанавливает между ними произвольные связи.

Бакунин, например, в своем переводе «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык лозунг «Proletarier aller Länder, vereinigt euch!» передал как «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Из двух возможных видовых вариантов передачи немецкого глагола, не имеющего грамматической категории вида, Бакунин избрал тот, который выражает значение действия однократного. Исследователь русских переводов «Манифеста Коммунистической партии» по этому поводу замечает: «Отразилась в бакунинском переводе и его заговорщическая концепция. Бакунин враждебно относится к идее планомерной, организованной классовой борьбы пролетариата. Характерно, что лозунг «Proletarier aller Länder, vereinigt euch!» он переводит «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Процесс объединения пролетариата Бакунин представлял себе как однократное, молниеносное действие»²⁶.

Выбор способа перевода, таким образом, в данном случае явно был обусловлен идеологией переводчика, его политической позицией. Но можно ли все же говорить о том, что Бакунин в связи со своими анархистскими взглядами проявил безразличное отношение к языку, в данном случае — к видовым формам русского глагола? Нет, оснований для такого утверждения быть не может. В самом лозунге подлинника Бакунин увидел (или захотел увидеть) значение однократного действия, разумеется, в противоречии с содержанием всего «Манифеста» в целом, от которого он его оторвал, и выбор русской видовой формы явился просто следствием предвзятого истолкования смысла подлинника в целом и данного его отрезка в частности.

Когда, например, современный переводчик Бальзака на русский язык при передаче слова или словосочетания отдаст предпочтение варианту, носящему легкую окраску архаичности, (скажем, *в улице*, вместо *на улице*, *на театре* вместо *на сцене*), то это — не результат безразличного отношения к языку, к отбору языковых средств, не просто следствие пристрастия к старинным элементам в языке, а отражение неверного

²⁶ И. И. П р е й с, «Манифест Коммунистической партии» в русских переводах, Вестник АН СССР, 1948, № 2, стр. 44.

истолкования стиля и эстетики Бальзака — истолкования, приписывающего творчеству этого автора черты архаичности, которых у него реально не было.

Таким образом, можно сказать, что определенная ложная концепция — политическая, эстетическая, историко-литературная — имеет следствием неверное восприятие и осмысление содержания подлинника, в словах и грамматических формах которого переводчик видит не те значения, какие им присущи и обусловлены всем контекстом, а те, какие он сам вложил в них. В таком случае переводится не то (или не только то), что есть на самом деле, а то, что переводчик видит или хочет увидеть в оригинале вопреки его содержанию, объективно выраженному средствами языка.

Вместе с тем мы знаем — и из истории литературы и на примере советских переводов — множество случаев, когда подлинник истолковывается и передается средствами другого языка совершенно объективно. Причины, делающие возможным объективное осмысление и истолкование подлинника, могут быть различными: идеология и эстетика переводчика могли совпасть с идеологией и эстетикой автора оригинала; переводчик мог сознательно отрешиться от идеологии и эстетики своего класса, как это мы видим на примере некоторых классических русских переводов XIX века; наконец, как это имеет место в нашей стране сейчас, когда в силу исключительной прогрессивности советского строя не может быть заинтересованности в фальсификации памятников прошлого или материалов современности, сами общественные условия создают для переводчика возможность быть объективным в отношении к иноязычной литературе прошлого и настоящего. Но во всех этих случаях возможность объективного восприятия, понимания, истолкования подлинника имеет предпосылкой правильный выбор языковых средств: самая задача — объективно отобразить подлинник — вызывает стремление к отбору соответствующих средств родного языка.

Переводчик, в отличие от автора, не создает содержания, а воссоздает его средствами другого языка. Поэтому неправильно было бы механически переносить понятие партийности литературы на перевод. Но переводчик, в какой бы сфере он ни работал, всегда служит интересам определенной страны, определенного класса и руководствуется представлениями своего класса, своей эпохи. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»²⁶, — говорит В. И. Ленин. Отсюда — идейная направленность переводов. Применительно к условиям нашей страны и нашего времени мы можем сказать, что переводчик — будь то переводчик стихов или художественной прозы, общественно-политической книги, дипломатического текста и т. п. — служит интересам советского народа и руководствуется при этом подлинно научным мировоззрением — философией марксизма-ленинизма. Тем самым в наших советских условиях идейность перевода или, вернее, партийное отношение в переводческом делу означает: 1) правильный с точки зрения государственных и народных интересов выбор материала, отвечающий идейным запросам читателя, выполняющий воспитательную задачу или важный в познавательных, иногда просто в информационных целях, и 2) поиски языковых средств, правдиво и полноценно передающих подлинник. В статье «Против идеологических извращений в литературе» «Правда»²⁷ указывала на нарушение именно этих основных принципов: на выбор порочного материала для

²⁶ В. И. Ленин, Партийная организация и партийная литература, Соч., т. 10, стр. 30.

²⁷ «Против идеологических извращений в литературе», «Правда» от 2 июля 1951 г.

перевода (стихотворение В. Сосюры «Люби Украину») и на безответственное отношение к своему делу со стороны переводчиков, на допущенный ими произвол.

Правдивость, как принципиальная, характерная черта советского перевода, проявляется и тогда, когда дело касается передачи произведений, идеологически созвучных нам в той или иной мере или далеких от нас по выраженному в них мировоззрению, но содержащих те или иные прогрессивные (хотя бы для своего времени) черты, ценных в художественном или познавательном отношении, и тогда, когда переводятся (например, в газете) враждебные нам выступления реакционных политических деятелей стран капитализма. В обоих случаях задача советского переводчика—ничего не ослаблять, не сглаживать, не приукрашивать. Предпосылкой для решения этой задачи является идейно правильное истолкование переводимого произведения; условием ее выполнения служит правильный выбор языковых средств.
